

Не пой, молодая, при мне
ты песен о старой войне —
бурьяне, тумане и пыли...
С почти вековой глубины
едва различимо слышны
далекие боли и были.

Окатыши горьких побед,
и мы уже таем на нет
на бруствере тысячелетья,
поросшие мохом-травой...
А вслед за второй мировой
проглядывается третья.

И, как в неурочный Покров,
поверх городов и голов
потомков, безвестно любимых —
не ангелы, не мертвецы,
но вечно живые бойцы
из давних семейных альбомов.

Мол, братья, кончай ночевать:
не время еще почивать,
пролеживать Боговы лавки —
пора собираться опять
в небесную русскую рать
из необратимой отставки...
Бог знает: пора — не пора.
Опять холодают ветра,
а думали: лето в кармане...

Мелодия вроде проста,
да не удается с листа,
но если душа не пуста,
мы вместе споем о тумане.

* * *

На облюбованный край земли
хочешь валить — вали...
Славно летят в золотой дали
белые корабли.
Если на выстуженной реке —
снежная береста,
славно отправиться налегке
в солнечные места.

Как рассыпается свежий сноп
по ледяному льну,
сам я, осиливая озноб,
к телу живому льну,
а пережмет на ветру висок
каменной тоской —
голову рад уронить в песок
средиземноморской...

Ой, бестолковая голова!
Только лицо умой —
ведает, что одна жива,
а все одно — домой:
к раннему свету, смоле, золе... —
надо ли говорить?
Жить, не тужить о чужой земле —
хоть бы и лес валить.

* * *

Пора надеть иные вещи нам —
земная тает седина.
Явилась вновь на Благовещенье
бесповоротная весна.

Бесповоротная, беспутная —
какие, к лешему, пути,
когда вода летит пробудная?
Ни переплыть, ни перейти...

Сошествие — не снисхождение,
когда по кругу, да не вспять
рождение и возрождение
соединяются опять.

Блаженны, кто верует — искренней веры не тронь,
хотя сомневается здравая мысль и сегодня...
Нисходит с высоких небес Благодатный огонь
на светлую Пасху в кувуклию Гроба Господня.
Волною духовною или телесной рукой —
невидимо тем, кто в надежде огня ожидает,
и вновь разливается чистое пламя рекой
и радостных лиц озаряемых не обжигает...

По равновеликим краям материнской земли,
на волю ветров полагаясь и вышнюю волю,
порой молодою мы тоже зажгли — и сожгли
страстей и желаний немереных добрую долю.
Но смысла завидовать нынешней юности нет,
без точки страница, не время еще устранишься —
не молниеносный и не ослепительный свет
яснее горит и ровней на дорогу струится.

Души не травы и смятенного сердца не рви.
Кто истинно ведает: вечное — не за горами,
поймет, сколько в ярое пламя добавить любви,
чтоб и маловерные лицами не обгорали.

* * *

Не отправляйся без молитвы,
хотя не тот, кому поем,
запек в земле стальные бритвы
к живому небу острием.

Без наблюдателя не брошен,
вглядись на миг из-под руки:
над каждым поворотом коршун
выписывает круги.

Вдаль по заточенным дорогам
во здравие и на помин
мы ходим истинно под Богом
и едем именно под Ним...

* * *

Поменяла весна времена и цвета —
молодая листва на просвет золота:
невесомую дымку едва окропил
осторожною прозеленью хлорофилл.

Да не долгую пору она молода,
а покуда черемуховые холода,
и ладони живой чешуи листовой
над землю древесною и кустовой

непреренно сомкнутся ступенью
между яростным светом и тенью.

Ибо все в равномерном пути бытия
обращается снова на круги своя,
но — всегда в кулачке зажимая
лоскуток золотистого мая.

* * *

У крайнего сибирского кремля
в гортанной глубине материковой
почувствую: колеблется земля —
по колыханью нити родниковой.
То не из вражьих сопредельных стран,
а из утробы мнения и суши
идет холодный зверь левиафан
и гложет неприкаянные души...

Но пресечется выстуженный срок,
не рви с груди отчаянно рубашку —
придет веселый зверь единорог
и приведет горбатого коняшку,
и так душевно станет во плоти
сойти на человеческие мерки,
скользя на тектонической плите,
как серфер по прибою на фанерке.

* * *

Хладнокровно по неровному
ходу времени прими:
очень скоро поголовно мы
станем белыми людьми.
Матерелого по волосу
опознать нетяжело,
если даже стрижен налысо
или выбрит наголо...

Но пускай метелью ветреной
завивается февраль —
под макушкой серебряной
сердцевина золота ль?
Порываясь в люди вылезти
и душой не заболеть,
все ль нашли довольно извести,
чтобы совесть отбелить?

Видно, на отцовском опыте,
точно смытую печать,
и потомку гниль от копоти
пригодится отличать...

* * *

Время наше не сочтено
ни обидами, ни рублями.
Мы из тех, что идут на дно
с городами и кораблями —
не прикованные к веслу,
не затерянные в крапиве,
но причастные ремеслу
хирургии и терапии.

Лен и скальпель, игла и нить.
Слово — тело, не только дело:
что разъято — соединить,
упокоить, что омертвело.
Океан или перегной —
припадай к поднесенной чаше...
Нет воды и земли иной.
Время наше — и бремя наше.

* * *

Дождя и ангела в дорогу.
Дорога мокрая — так что ж?
Езжай пораньше, понемногу,
не превышай — на то и дождь.

А после в воздухе высоком
под поволокой голубой
следающий ястреб или сокол
крыла расправит над тобой.

Но ты недоброю приметой
не почитай их зоркий труд —
то ангелы нас эстафетой
из клюва в клюв передают.

* * *

И всякое утро — дождь,
да не тяжелей свинца...
Даждь, Господи, все, что дашь,
мне вынести до конца.

Что сердце не охладил,
что разум не отключил,
что пуще всего хотел,
что — на тебе — получил.

С вершины до глубины
мгновение показал...
И что золотой цены
заранее не сказал.